

Действующие лица:

Уточкин Иван Сергеевич, за 80
Уточкина Вера Васильевна, за 80
Уточкин Павел Иванович, за 40
Лизавета, чуть больше 20
Христофор, около 60

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Картина первая

Кромешная темнота.

Лязгающие звуки замков.

Отворяется дверь. Звонкая полоска света.

Тяжёлые силуэты Ивана и Христофора.

ГОЛОС ИВАНА. Какой мороз! Как можно при таком морозе в сарае обитать? Однако ты ладненько устроился. Кушетку раздобыл. Керосиновая лампа, половичок в полоску.

Занимается тусклый свет в коридоре.

На Иване заячий тулуп, ушанка, валенки.

У Христофора худое выдавшее виды пальтецо, картуз, кирзовые сапоги.

ИВАН. Слушай, я про этот половичок уже и забыл. Это ещё из детства половичок. Трогательный такой... Вообще при керосиновой лампе и мысли чище, и душа светлее. Но, холод собачий! Спиральной плиткой особо не согреешься... Замёрз? Замёрз, конечно. Так бы, глядишь, и умер. Заледенел бы. Нет?.. Ты не полярник, часом? Кого-то

Иван и Христофор снимают верхнюю одежду.

На Христофоре обнаруживается выцветший китель.

На Иване выдавшая виды вязаная кофта.

из полярников мне напоминаешь. Не Амундсена, конечно. Может быть, кого-то из его экспедиции. Или из другой какой экспедиции. В благословенные времена экспедиций много было... Нет, конечно, не может быть... Зима нынче суровая, вот что ты не учёл... Сам-то ты, часом не из тёплых краев? На грузина немного похож. Не грузин?.. Я Грузию люблю, не думай... Я всё люблю. И Арктику, и Грузию. Хотя иным такая моя всеядность не нравится. Стараются подмочить и подпортить. У самих любить не получается, да и не особенно хотят. Вот и стараются подмочить, подпортить. Зависть... Зависть, как думаешь?.. А, может быть, просто сердятся. Сейчас просто так сердятся, без особых причин. Войны давно не было, так думаю... А у вас в Грузии сердятся?.. Нет, наверное. Вы же вино пьёте с утра до вечера, песни поёте. Когда сердиться?.. А знаешь, я тебя люблю. Как только увидел – сразу полюбил... Слушай-ка, да ты вылитый старший лейтенант Седов! Тебе никогда не говорили?.. Нет, конечно. Теперь Седова не помнят. Теперь ничего не помнят. Такие времена... Беспамятство. Страшное дело. Я вот тоже забываться стал. Хотя молодею. Внешне на удивление молодею. Говорят, перед смертью отдельные люди молодеют. Не все, некоторые... И давно ты в сарае живёшь, чудак-человек?.. Чего молчишь?.. Да ты живой?.. Давай-ка, раздевайся. Давай-ка, давай-ка. Здесь тепло. Как у вас в Грузии... Где же твоя упряжь, старший лейтенант Седов?.. Шучу. Пытаюсь шутить. При хорошей шутке быстрее согреваешься. По себе знаю...

Картина вторая

Большой свет.

Комната. Стол, кресла, диван, сервант, платяной шкаф.

Застеклённая веранда.

Иван бродит по комнате, поправляет плед на диване, книги в шкафу, приборы в серванте, извлекает стаканы, ставит на стол.

ИВАН. Ну же, проходи, не стесняйся... Как ты себя чувствуешь?.. Молчишь? Ну, помолчи. Вижу, пока не можешь говорить. Ничего, сейчас согреешься. Сейчас мы с тобой что-нибудь сообразим, душа моя. Как говорят смешные одесситы, *об выпить и закусить*. Я одесситов знавал. Дружил с ними. Теперь уж они все умерли. Мы и с тобой дружить с тобой будем, болтать. А то, глядишь, почитаю тебе что-нибудь своё. Я пишу. Писал. Писатель, стало быть. Повесть тебе почитаю или роман. Эссе не пишу. Не понимаю и не люблю. Лучше всего повесть. Выберу небольшую, чтобы тебя не утомлять. Вообще у меня произведения не утомительные, хотя и с глубоким философским смыслом. О корневых людях, коими восхищаюсь и горжусь... Любишь корневых людей?.. Наверняка любишь. Человек, когда в лишении пребывает, завсегда к корневым людям тянется. К корневым людям и к Богу... Я люблю вслух читать. В особенности, когда слушают... Не смущайся, душа моя, устраивайся, где удобно. Где тебе удобно?

Христофор садится в углу на корточках. Движения у него грубые, угловатые.

ИВАН. Вот как ты устроился? Да что же в углу? Разве места мало?.. Ну, как знаешь... И представить не можешь, как я тебе рад!.. Ночь, слава Богу! Можно петь, плясать, хоть из пушек пали! Соседей не держим. Точнее, соседи имеются, но далеко. А жёнушка моя, Вера, и так глуховата, да ещё берушами пользуется. Уши на ночь затыкает. Совсем не слышит. Грозная, но смешная. Глухие люди очень серьёзными кажутся. Иногда настораживает... А знаешь, с берушами лучше, спокойнее. По ночам у нас тревожно, звуки разные. Не обязательно птицы. Как правило, не птицы. А кто или что – неизвестно. Звуки жуткие. *Жалобы хаоса*. Хорошо сказано? Это я у тёзки своего подсмотрел, Тургенева. Перефразировал немного. Не возбраняется. В литературных кругах не возбраняется... Я не всегда с тёзкой соглашаюсь, но в данном случае он в точку попал. Ему на протяжении всей жизни хаос в спину дышал. Заметь, уже в те времена... У нас с ним много общего, с Тургеневым Иваном Сергеевичем, но темы разные. Он дворянство воспевал, а я – почвенник. Певец целинных и залежных земель. Но и к философии склонность имею. Вроде бы не сочетается, а сочетается. Во всяком случае, у меня полу-

чилось... Да мы с Тургеневым и внешне похожи, компетентные люди сказывали... Хаос, душа моя, рано или поздно поглотит нас. Потом вспомнишь... Или у тебя другое мнение?.. Если докажешь, аргументируешь – буду искренне рад и даже счастлив. Я и теперь счастлив, но буду окончательно счастлив, если сумеешь меня переубедить. А покуда, увы, все приметы хаоса налицо. Во-первых, всеобщее сумасшествие. Во-вторых – мчимся в бездну галопом. Любишь лошадей? Я обожаю. Такие умницы! Главное – молчуны! Но тоже кусаются. Подойдёт, бывало, тихонько, и цап за рукав. А пони – те шапки поедают с превеликим удовольствием. Серьёзно, не шучу... Слушай, что я суечусь, не знаешь? Волнуюсь что-то. У меня перед выпивкой всегда так. Радость таким манером проявляется. Я выпивке всегда рад...

За окнами раздаётся собачий лай.

ИВАН (*прислушивается*). Вот. Слышал?.. Не слышал?.. Скажешь, собаки? Похоже на собак. Полярных. Упряжка или стая. С тобой пришли?.. Как будто собаки, но не факт... Но не зайцы, и не лебеди... Вряд ли собаки. Похоже, что не собаки. Что скажешь?.. Нечто. Назовём так покуда... Тревожно... Я бы, откровенно говоря, сам берушами пользовался, но боюсь смерть проспать. Так сказать, без шанса остаться. Хотя шансов при смерти, прямо скажем, не много. Но случается. Мой товарищ Спиридонов Иван, тоже Иван, было, умер, а потом воскрес. Правда, без глаза. Один глаз стеклянный, но издалека как настоящий. Спиридонов Иван. Надёжный товарищ. Корневой человек. Из целинников... Ты, кстати, тоже на целинника похож. Не целинник, нет?.. Сын целинника?.. Не всегда же ты бродяжничал?.. А может быть, разведчик? А это снова шучу... Допрос тебе устроил. Уж ты меня прости. Нервы. Года два не сплю. Откровенно говоря, той самой предсмертной беседы жду. Торга, так сказать. Чую, помру. Когда – не знаю, врать не буду, но предчувствие смерти присутствует... А смерти без торга не бывает. Тоже рынок своего рода. Спиридонов Иван рассказал, поделился по секрету. Вот ему как-то удалось мену совершить. На глаз поменял. А что, без глаза жить можно... Он, откровенно говоря, жуликоват немного, Спиридонов Иван. Это у него в крови. Не в осуждение – так человек хороший... Но тут, видишь, рецептов не бывает...

Плюс растерянность, это же тоже учитывать надо. Готовлюсь, одним словом... Что ей предложить – ума не приложу... Разве глаз? Так у неё уже есть глаз Спиридонова Ивана... А ея все ждут, ту самую барышню с литовкой. Не всякий признаётся, конечно, но ждут все. (*Смеётся.*) Со слов Спиридонова Ивана, женщина привлекательная. Стройна, моложава. Тут главное при встрече страха не выказать. Она улыбается – и ты улыбайся. В этом плане американцы молодцы. И грузины тоже. А мы всё хмуримся. На самом деле, мечтаем много, потому выглядим хмурыми... Вот мне с раковыми больными дело иметь приходилось. Шефствовал. По собственной инициативе. Они все друг на дружку похожи, прямо как братья и сёстры. Старички. Скорее дети. Личики детские, как у старичков... Они же никому не нужны! А сейчас никто никому не нужен... Первоначально к своей старинной приятельнице ходил, Шмаковой Анастасии, а потом её не стало, а я всё равно ходил. К сожалению, не без умысла. Повести свои читал. Они слушатели благодарные. В особенности лежащие. А у меня повести жизнеутверждающие, с положительными героями. Как и должно быть. Добро у меня побеждает. Всегда. Сейчас так никто не пишет. Сейчас, главным образом, изъяны и кошмары воспевают... Слушали меня хорошо. Улыбались, смеялись даже. Смерть на пороге – а они смеются. Такие повести. О корневых людях, хлебопашцах и других... А в предсмертной беседе первое дело – аргумент. Но аргумент должен быть безоговорочным. Спиридонов Иван заявить рекомендует что-нибудь очевидное, например: *и лампочка горит, и солнце светит*. Вот эта женщина с косой, предположим, спросит тебя: *Каков итог твоей жизни? Что такое главное ты постиг, утомлённый путник?* Самый распространённый ответ – *представления не имею*. Это вот та самая растерянность. А ты отвечаешь: *Много радости – и лампочка горит и солнце светит*. Можно присовокупить: *Даже не ожидал такого великолепия*. То есть счастливый человек. А если человек счастлив, какой смысл ему умирать? Понимаешь, в чём фокус? Редкостная мысль, согласись. Не вписывается во всеобщее уныние... ещё можно присовокупить: *Единственно не до конца разобрался, что такое электричество? Кто его запустил? Очень хочется понять и донести до других*. То есть поделиться радостью открытия. Ну это уже окончательная победа! Как такого человека жизни ли-

шать?.. Я тебе так скажу, жить играючи нужно, душа моя. И умирать. Так что в предсмертных беседах я, считай, уже дока. Спасибо Спиридонову Ивану... Но, откровенно говоря, шансов всё равно немного... Но всякое, знаешь, случается... Думаю, живут на свете и бессмертные люди. Немного, конечно – два, пять, от силы – семь, но мы о них ничего не знаем. И это правильно... Не знаю, я бы наверное согласился жить вечно. Без ложной скромности замечу – жизнь любуется мной... Я, видишь ли, выпиваю. Регулярно. Теперь – регулярно. В голове такая путаница, а когда выпью, туман рассеивается, всё вроде бы по полочкам раскладывается. И вышеупомянутое солнышко выглядывает. Как в библиотеке... Или в морге. Доводилось в морге бывать?.. Но там – электричество. Дневное освещение. Но яркое. (*Смеётся.*) Опять шучу. Шутник. Согласен, юмор специфический. Юмор висельника. Так об алкоголиках говорят. Жёнушка меня таким образом припечатывает... А выпьешь – будто в поле вышел. Синь окрест...

Иван извлекает из-под серванта бутылку водки.

ИВАН. Ну, что, готов, как говорится, к труду и обороне?

Христофор жестом показывает, что пить не станет.

ИВАН. Напрасно. Тебе как раз с мороза не помешало бы.

Иван делает несколько глотков, обратно прячет бутылку.

ИВАН. У меня здесь в комнате по бутылочке в каждом углу припрятано. На всякий случай. Одну, предположим, жёнушка или сынишка найдут, так у меня ещё есть... и ещё есть. (*Смеётся.*) Опыт, брат... Со мной, видишь ли, ведётся непримиримая война. Невольник чести. Сопrotивляюсь, как умею. Завсегда был борцом. Двадцать четыре романа и повести изваял. Повести мои главным образом о корневых людях: хлебопашцах и других. Последнее время что-то о геологах задумался... Я тебе так скажу, хлебопашцы – люди невыносимой судьбы. Думаешь, их кто-нибудь когда-нибудь любил по настоящему? Кроме меня?.. Никто. Никогда. Включая их самих. А они свою славу заслужили. Вечную славу. Уж кто-кто, а они-то

заслужили. Внешне кажутся людьми однообразными, нудными. Так оно и есть. А что, разве вечность балует разнообразием?.. О геологах и говорить нечего... Вот и теперь стоит глаза закрыть, как они тотчас восстают, друзья и товарищи мои, корневые люди. *(Зажмуривается.)* Спиридонов Иван, Мотовилов Алексей, Зубов Алексей, Шмакова Антонина... *(Открывает глаза.)* Как живые. Так и хочется их за руки взять, обнять, быть может, спеть тихонько... А что думаешь? Так, бывало, обнимаемся и поём. Славно получается... Я их вблизи наблюдаю и панорамно, как бы с высоты птичьего полёта. Ну, тебе озябшему сейчас понять трудно... Вообще, я пишу лучше, чем говорю... Писал, теперь уж не пишу... А был очень хорошим писателем... А был бы плохим, так меня бы не хвалили... В больнице выступал, несколько раз в клубе... А ты, по-видимому, тоже алкоголик? Нет?.. Я – певец целинных и залежных земель. То доблестное время от нас непостижимо удалилось, но вернётся непременно. Как – не знаю. Но чувствую. Каким-то удивительным образом. Верю... А добро и так всегда побеждает. Вот как в моих произведениях. Непременно. Чудо!... Вообще чудес не счесть, только мы их разучились различать. Огрубели умом... У меня всё по полочкам должно быть разложено. Как в блиндаже. Хотя воевать не довелось, но о войне часто думаю... А ты, судя по кителю, участвовал?.. Нет?.. Я войну живо себе представляю. Вполне мог бы писать о войне. Природная наблюдательность. Война ведь не только на фронте, война повсеместно живёт. Пьянка – тоже война. И всякая семья – баталия... А как без войны, с другой стороны?.. Ты правильно делаешь, что китель носишь, душа моя. И не снимай. Ни при каких обстоятельствах... Плюс мастерство. Предположим, льва не видел никогда, но опишу так, что лучше настоящего будет. Львов любишь?.. Красивое животное. Имперское. Вот только зачем нам львы? Нам и без львов, знаешь, долго ещё расхлёбывать... *(Зажмуривается.)* Мотовилов, Зубов, Гагарин! Какие имена! *(Открывает глаза.)* А ведь мне довелось с ними крепко дружить. С Юрой в особенности. Переписывались. Хотя я совсем мальчишкой был. Но целеустремлённым... В Ялте его видел, но близко подойти не удалось. Дружба наша письмами ограничена. Моими. А ему когда отвечать было? Такие откровенные письма. Пропали, разумеется... Жаль, посыпалось всё... Я по Родине тоскую, по большой прекрасной своей Ро-

дине. Она у меня в душе так и застыла Лас-точкинским гнездом... В то же время, обрати внимание, в непрестанном движении всё. Движение не прекращается ни на минуту. И мы в движении, сами того не подозревая. Как говорится, в потугах и корчах, преодолевая гонения и болезни. Каждый день, каждый день. Движение трудное, но непрестанное. И радость впереди. Вышеупомянутое солнышко. Пусть электрический свет, не важно. Главное – свет!.. Так что надежды, друг, куда терять не будем... Или взять вечность. Понять невозможно, но необходимо... А пота стесняться не нужно. Пот омывает... Млечный путь. Помнишь?.. Мы к вечности, если честно, пока не готовы. *Пока* не готовы. А вот хаос с превеликим удовольствием принимаем. Парадокс... А потуг стесняться не нужно. Вот ты, я вижу, не из тех, что потуг стесняется. И мне это приятно. Сразу же захотелось дружить с тобой... Я и сам всю жизнь путешествовал. Живого места не осталось. И не напрасно. Был замечен и обласкан. Да, да. А с виду, кажется – неприметный человечек. Верхонка, а не человек. А оно вишь как?.. Привечали, ещё как привечали... Потом, когда всё рухнуло, вылетел, как говорится, в трубу... А все такие, как я, вылетели. К примеру, Спиридонов Иван вылетел. Хотя человеком цельным, корневым был. Подковы гнул, арматуру гнул. Сильнейший человек. Жаботинский в прямом и переносном смысле. Умер... Потом, правда, воскрес. Но то, что воскресло, разве Иван? Так – подобие Ивана. *(Смеётся.)* Больше смахивает на диван... Иногда меня тянет на каламбур. Пошлость, конечно. Язык мой – враг мой. Остро слов... Да я и сам Иван, так что, можно сказать, над собой и посмеялся. Люблю в охотку над собой посмеяться, что, согласишься, характеризует... А так воспитали – смеёшься над товарищем, так и над собой посмейся, чтобы он, товарищ, не пострадал... А было время, когда кизьяками топили. Стенка на стенку бились. Эх, золотые деньки... Кизьяков, к сожалению, не застал, врать не буду. Врать не люблю и не умею... Корневые люди – тёплые, живые... *(Извлекает из книжного шкафа бутылку водки, наполняет стаканы.)* Но ничего, всё вернётся. Уже возвращается... Воскреснем, вот увидишь. Я уже чувствую, как воскресенье во мне занимается, по жилам течёт... Ну, что? За Ивана, тёзку моего беззаветного? Помянем, как говорится... Умер недавно товарищ мой терпкий... Ну, что же ты?

Христофор жестом показывает, что пить не станет.

ИВАН. Не выпиваешь? Молодец. Меня тоже на лечение отправить мечтают. Жена Вера и сын Павел. Терпкие люди. Но я их люблю... Вообще тебе бы согреться, конечно. Но дело твоё. *(Опорожняет стакан.)* Если буду плакать, не обращай внимания. Это не я – водка плачет. Жена так говорит. Борется. Но теперь спит без задних ног... Первоначально казалась простой женщиной. Простушка такая... *(Усаживается в кресло с бутылкой.)* Ныне пребываю на содержании у сына Павла. Он и дом этот купил... Кто был ничем, тот стало всем... ещё к нам домработница ходит. Лизавета. Хохотушка. Славная. Девчонка несмышлёная. Пытается ко мне чувства. Предполагаю – бывшее величие моё тому виной. Писатель земли русской. Вряд ли другая причина. Многие не знают, но есть такие, что знают... Но возраст. Неказистым сделался, хотя молодею... Я прежде ростом выше был. Много выше. Объективно... Бурки отцовские носил... Обидно, конечно... А ты молодец. От водки отказался при таком морозе. Уважаю. Это же какое терпение, какую выдержку надо иметь, чтобы от водки отказываться... А во мне тоже, заметь, героизм проблёскивает. Вошли, поговорили неспешно, – только после позволил себе. При некоторой суете, но в целом чинно, неспешно... А трепетность – это у меня в характере. Боевой характер. Был... Хотя, чего скрывать, выпить люблю... *(Вытирает слёзы.)* Сколько же нам с тобой, голубчик, ещё годков отмерено?.. Живём теперь, как будто одеялом с головой накрыли. Затмение... Я, откровенно говоря, от науки помощи жду, прорыва. В науку безусловно верю. Говорят, будут продлевать, омолаживать. Практически каждый день об этом говорят. Слежу, читаю... Прежде меня побаивались. Независимости моей и стойкости побаивались... А теперь вот сам боюсь. Например, жены своей Веры боюсь. Она – женщина суровая, трезвая. Подавила меня трудами и попрёками... Павла тоже немного побаиваюсь... Ничего, вернётся на нашу улицу праздник. *(Выпивает.)* У меня на жёнушку основательный компромат имеется. Шалила смолоду... Точно тебе говорю!.. А может быть – навет. Все фарисеи!.. Когда бы в молодые годы узнал – убил бы, быстрее всего. Уже отсидел бы. Уже с чистой совестью жил бы. Но не знал. Позже вскрылось... Да, пожалуй, и теперь убил бы. Тюрмы не вынесу, постарел немного. Да и беспокорства лишнего не хочу. *(Выпивает.)* Брежут, как думаешь?.. Не исключаю. Оне,

фарисеи, без брехни и часа не проживут... Конечно, убийство – акцент был бы, да ещё какой! Для писателя важно. Но я её люблю. Вот уж сколько лет прошло... *(Вытирает слёзы.)* Подурнели оба, растолстели, а всё равно люблю... Я ведь любвеобильным был. Да и теперь, наверное... *(Расцветает улыбкой.)* Лизавета – другое дело. Хохотушка. Славная. Тяготеет ко мне, но вида не подаёт. И я делаю вид, что не замечаю. Так, отмечаем друг дружку, не больше... Не заберемене-ла бы – стар я для кровосмешения... Хотя как она забеременеет? Это же близость нужна. А я близости не допускаю. Это не в моём характере. Я – человек независимый, стойкий ... Хотел покончить с собой, но передумал. Унижение должно быть испытано до донца... На слабость права не имею. Не того поля ягодка. *(Смеётся.)* Арбуз. Ты, например, знаешь, что арбуз – ягода?.. Я только недавно узнал... Так они и Шолохова отравили. Доподлинно знаю. У нас с ним много общего. Только я к философии тяготею. Проклятые курица с яйцом покоя не дают. Не успокоюсь, пока не разгадаю эту шараду... Главное, человеком оставаться. А ты – человек. Это прямо бросается в глаза. В особенности мне твой китель нравится, душа моя. Не всякий, знаешь, китель теперь наденет. Стесняются. Славы своей стесняются, мать их. Дожили!.. Опять же народятся внуки, захотят на знаменитого деда посмотреть, а деда нет. Где дед, спросят? Удавился. Кто удавился? Друг Юрки Гагарина удавился? Кто?! Стратонавт Уточкин удавился?! Я стратонавтом хотел стать. Курсы посещал. В общем-то, фактически стал им. В метафизическом смысле... *(Выпивает.)* Кто?! Стратонавт Уточкин удавился?! Где же такое пережить? Болеть станут быстрее всего... Вешаться бы не стал, конечно. Ружьишко имеется... Толстею. Блинчики люблю. Жена Вера чудесные блинчики готовит. Теперь и ты попробуешь. Она тебе рада будет. Вот увидишь... Одиноко живём... А тебе всё же надо бы немного выпить, согреться. Чисто в лечебных целях... Нет?.. Ну, как знаешь... Эх, сейчас бы нам с тобой блинчиков горяченьких. Ночь, спит мой кулинар... Зато наговоримся. Соскучился я по беседе... Я теперь тоже замолчал... А раньше любил беседы. С ребяташками встречался. В школах, воинских частях, особенно детские дома любил. Там ребяташки уважительные. Шефствовал. По собственной инициативе. Они слушатели благодарные... А сын Павел – тот по кривым дорожкам бродит. Спекулянт. Раньше его деятельность

таким образом расценили бы. Бизнесман... Барыга наш сын, барыга и вор. Но это сейчас не возбраняется... У воров, знаешь, тоже свой кодекс чести. Среди них и корневых людей немало. А ты, судя по всему, сидел?.. Нет?.. Не важно... Гордиться сыном особенно не горжусь, но уважаю. Он нас с матерью немного сторонится, но содержит, навещает, поправляет. Мы же безнадежно отстали, вот он нас и поправляет, уму-разуму учит. На свой лад, конечно. Современный человек. Прогрессивный, но жёсткий. Откуда это в нём? Был послушным мальчиком, трогательным таким... Дом этот купил, работницу приставил. Лизавету. Хохотушка глубинная. Из семьи целинников. Славная. Любит меня. Уверен, и тебя полюбит... Одного боюсь – стукачкой окажется. Сдаётся, Павла, сына моего, тоже любит... ещё сболтнёт что-нибудь. Не обязательно умышленно – ненаароком. Утешает то, что она речей моих и мыслеобразов не понимает. Аллюзий и обобщений. Совсем. Нет в ней философского слуха... Я нового времени и его представителей категорически не приемлю. А Павел мой – яркий представитель... А может, и целенаправленно наступит. Поди их сейчас разбери... Я ведь вольнодумец пожизненный. Язык мой – враг мой... Ну и что? Стукачи, знаешь, тоже люди. Мало ли какие обстоятельства? С годами многое иначе видится... А вообще я от людей пряничков и прочих подарочков не жду... Но грядёт самоочищение. Ты веришь в самоочищение? Я верю... Останутся исключительно достойные трудовые люди... А иначе не бывает... Спираль, мать её... *(Смеётся.)* А вот стихов не писал. Никогда. Стихи выказывают слабость. Любые стихи. Даже здравицы. А я на слабость права не имею... Хотя на борьбу сил практически не осталось. Обидно... Но ты меня, не взирая, уважай. Вот как я тебя уважаю. Тотчас полюбил, как увидел, душа моя. *(Выпивает.)* А ты кто?.. Звать тебя как, хотя бы?

ХРИСТОФОР. Христофор.

Пауза.

ИВАН. Вот как?.. Брата моего тоже Христофором звали... Эх, брат мой, боль моя неумная! Христофорушко!.. Помер. Давно... *(Плачет.)* В казённом доме помер. На холодном ложе. Психически больным среди психически больных людей... Он с рождения болен был. Знаешь, бывает, телёнок родится без ушей, а вот брат мой родился психически неполноценным... Конечно, решение принимал не я, но я мог противиться.

Мог, наверное... Хотя сколько мне было? Лет шесть, не больше... Всё равно мог бы сказать отцу: «Папа, не разлучай нас с братиком, дай поиграться вволю». И то – правда. Разве не мог я поиграть с ним? Наверное, он хотел, чтобы кто-нибудь с ним поиграл? А я не хотел. Боялся его. Справедливости ради, лично его было действительно устрашающим, в особенности, когда он спал с открытыми глазами и ртом. Глаза и рот у него всегда были открыты... И рычал. Не нарочно, без умысла. Рык сам вырывался из него. Наверное, в нём газы бродили или что-нибудь в этом роде. Конечно, я побаивался его. Скорее брезговал. А теперь полюбил. Вот тебя встретил – вспомнил и полюбил. Всем сердцем. Обоих вас полюбил... У вас, между прочим, во внешности много общего. Вот если бы он порос и возмужал – выглядел бы в точности, как ты. Пожалуй, назову тебя своим братом, если не возражаешь... Как думаешь, с ним в казённом доме играли? Нет, наверное. Ему с братиком хотелось, а братик, видишь, как поступил?.. Каин – вот кто я. Доподлинный Каин... Как Каин сказал? *Не сторож я брату своему?* Вот и я так про себя думал. Утешал себя таким образом. И не навел ни разу. К чужим людям ходил, повести читал, а к братику своему – нет. Правда один раз всё же сходили с отцом, так Христофорушки нашего уже в живых не было... Если бы всё сложилось иначе – я мог бы теперь ему почитать. Непременно почитал бы. Он наверняка был бы благодарным слушателем. Хотя повестей моих, возможно, и не понял бы. Хотя как знать? Совсем маленьким умер. *(Рыдает.)* В казённом доме... И не приснился ни разу. *(Вскакивает, возносит руки к потолку.)* Как тебе не стыдно, брат?! *(Одумавшись, возвращается на место.)* Господи, прости! Какое право имею я так говорить?! И ты прости, прости меня, Христофорушко, если можешь! Ты теперь брат мой, если не возражаешь.

Иван вытирает слёзы. Лицо его светлеет, проступает благодатная улыбка.

ИВАН. Покаялся тебе, и немного легче стало. *(Выпивает.)* Но безвыходных ситуаций не бывает, Христофор. Так говорят, Христофор, не без основания. Послушай меня. Вот что я придумал. Я тебя теперь сторожить буду! Ты не возражай, нам каждому сторож нужен. Я буду твоим сторожем... А хочешь – ты будь моим сторожем. Ты же не так просто ко мне пришёл? Не так просто? Скажи, Христофор?.. И прошу тебя, не отка-

звываясь от сторожа. Из меня сторож, конечно, сам видишь, какой, но я буду стараться, обещаю тебе... Теперь опять плакать начну... Негоже. Но сил практически не осталось... Давай поспим немного. Минут десять-пятнадцать. Дольше я не сплю. Ты на диван ложись, а я как-нибудь на полу...

Иван ложится на пол.

ИВАН (*засыпая*). Нашёл-таки выход. Вновь усыпаю счастливым человеком. Счастливого человека видеть доводилось?.. Полюбуйся.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Картина первая

Утро.

Иван Сергеевич за столом.

За спиной Ивана Сергеевича на веранде сквозь матовое стекло угадывается силуэт Христофора.

Вера Васильевна накладывает из сковороды в тарелку супруга блинчики со сметаной. Управившись, усаживается напротив, пристально смотрит на него.

Иван Сергеевич сидит, насупившись, к пище не прикасается, глаза от жены прячет.

ВЕРА. Почему не ешь? Заболел?.. Почему на меня не смотришь?

ИВАН (*бросает взгляд на жену, и тут же отворачивается*). Смотрю.

ВЕРА. И что видишь?

ИВАН. Тебя.

ВЕРА. А ещё что видишь?

ИВАН. А больше ничего не вижу.

Пауза.

ВЕРА. У меня новый слуховой аппарат.

ИВАН. Поздравляю.

ВЕРА. Сынок наш подарил.

ИВАН. Поздравляю.

ВЕРА. Красивый. Понравился тебе?

ИВАН. Кто?

ВЕРА. Слуховой аппарат.

ИВАН. Очень.

ВЕРА. Ты не можешь оценить. Его практически не видно.

ИВАН. Это хорошо. Очень хорошо.

Пауза.

ВЕРА. А почему не ешь?

ИВАН. Ем.

ВЕРА. Болееешь?

ИВАН. Знобит немного. Познабливает.

ВЕРА. Грипп?

ИВАН. Может быть. Не исключено.

Грипп уже ходит, говорят. Эпидемия. Грипп, да. Грипп, скорее всего.

Пауза.

ВЕРА. А может, другая какая болезнь?

ИВАН. Какая другая?.. Зачем ты меня пугаешь?! О чём ты? Какая ещё болезнь?

ВЕРА. Другая.

Пауза.

ИВАН. Зачем ты меня пугаешь? Какая болезнь?

ВЕРА. Не знаешь, о чём речь?

ИВАН. Не знаю ничего. Голова раскальвается.

Пауза.

ВЕРА. Ну мог же ты заболеть чем-то иным, совсем не гриппом?

ИВАН. Что ты хочешь?

ВЕРА. Узнать, что у тебя за болезнь.

ИВАН. Говорю же, не знаю.

ВЕРА. Знаешь.

ИВАН. Не знаю.

ВЕРА. Знаешь.

Пауза.

ИВАН. Морская?

ВЕРА (*саркастически*). Куриная слепота.

ИВАН. Не исключено.

Пауза.

ВЕРА. Писать совсем перестал.

ИВАН. Перестал, да.

ВЕРА. Почему?

ИВАН. Перестал и всё.

ВЕРА. Почему?

ИВАН. Читателей больше нет.

ВЕРА. А куда делись читатели?

ИВАН. Умерли.

ВЕРА. Все?

ИВАН. Все.

ВЕРА. А я?

ИВАН. Ты жива пока, слава Богу. Но ты меня никогда не читала. Всегда смеялась надо мной. Над корневыми людьми, целинниками моими смеялась! Над настоящими, настоящими... Знаешь, как это называется? Надругаться над неловкостью неискушённых простых людей! Неискушённых в хитро-сплетениях человеческого коварства про-

стых людей! Простыми людьми я называю своих героев, тружеников почвы, а также их окружение, включая птиц, собак, певцов и домочадцев. Как ты, должно быть, догадываешься, к певцам я причисляю тех, кто воспеваает труд и трудности.

ВЕРА. Стало быть, ты – певец?

ИВАН. Один из них. Прежде нас было много, но теперь практически все тоже умерли. Возможно, я один остался. Но заманить меня в тенёта всеобщего упадка тебе не удастся. А поскольку ты нас, меня никогда не слышала, не слышишь и не желаешь слышать – даже не начинай этот разговор!

ВЕРА. Достаточно того, что я тебя лечу, кормлю, дерьмо из-под тебя выгребаю.

Иван, нервно орудуя вилкой, принимается за блинчики.

ВЕРА. Возбуждился?

ИВАН. Возбуждился, да.

Пауза.

ВЕРА. Не любишь меня больше?

ИВАН. Люблю, к несчастью.

Иван кладёт в рот первый кусочек. Борется с подступившей тошнотой.

ВЕРА. Тяжко?

ИВАН. Нормально.

Пауза.

ВЕРА. Налить рюмочку?

ИВАН. Зачем рюмочку? Не нужно рюмочки. Вовсе не обязательно. Налей.

Пауза.

ВЕРА. Всю ночь пьянствовал.

ИВАН. Кто?!

ВЕРА. Я!

ИВАН. Что ты такое говоришь?! Вот откуда у тебя эти фантазии?

Пауза.

ВЕРА. Сегодня ночью я впервые испробовала свой новый слуховой аппарат.

ИВАН. И что?

ВЕРА. Ничего... Шум.

ИВАН. Вот видишь?

ВЕРА. Но сквозь шум пробивался чей-то пьяный ор. Кто бы это мог быть, не знаешь?

ИВАН. Откуда мне знать?.. Скорее всего, у тебя галлюцинации... А ты что же, меня подозреваешь? Да я спал как сурок! Удивительно крепко спал сегодня. Впервые за много лет. Просто удивительно. Выспался, наконец.

Пауза.

ВЕРА. Значит, рюмочка не нужна?

ИВАН. А рюмочка нужна! А вот рюмочка как раз нужна!.. Чтобы успокоиться. Ты же вывела меня из себя. Как всегда, прямо с утра. По самому больному прокатилась!.. Когда это кончится, Вера? Ты же знаешь, есть темы, которых касаться нельзя. Ни при каких обстоятельствах. Их немного этих тем, но они есть... Ладно, не хочу затеваться... Так ты нальёшь или нет?

Вера Васильевна достаёт из кармана передника четок, рюмку, наливает Ивану Сергеевичу, прячет четок. Тот, поморщившись, выпивает.

ИВАН. Ты бы ещё в напёрсток налила.

ВЕРА. А больше тебе нельзя. Больше тебе никак нельзя.

ИВАН. Ещё одну – и всё. Исключительно, чтобы сердце не остановилось. Колотится как бешеное. Не веришь, пощупай пульс. Не веришь – пощупай.

Вера Васильевна достаёт из кармана передника четок, наливает Ивану Сергеевичу, прячет. Тот выпивает.

ИВАН. Удивительное дело. Где ты видела, чтобы водку пили такими рюмками? Мы же русские люди, Вера...

ВЕРА. И кого ты приволок?

Пауза.

ИВАН. Куда приволок?

ВЕРА. В дом приволок... С кем ты гулял всю ночь?

ИВАН. Говорю же, у тебя галлюцинации, Вера. При использовании слуховых аппаратов это не редкость, я читал. Вообще опасное дело...

ВЕРА. Кого ты приволок, Иван?.. Террориста? Маньяка? Наркомана? Кого?

ИВАН. Вера, пойми, ты бредишь. Ты должна понять, попытаться услышать меня. Ты бредишь, и я опасаясь за тебя...

ВЕРА. На веранде кто?!

Пауза.

ИВАН. Где?
ВЕРА. Не веранде.

Пауза.

ИВАН. И что он там делает?
ВЕРА. Сидит, в окно смотрит.
ИВАН. Кто?
ВЕРА. Тебе лучше знать.

Пауза.

ИВАН. Уверена, что он там сидит?
ВЕРА. Сам посмотри... Кто это, Иван?

Пауза.

ИВАН. Вспомнил.
ВЕРА. Вспомнил?
ИВАН. Вспомнил.
ВЕРА. Кто это?
ИВАН. Один человек.
ВЕРА. Что за человек?

Пауза.

ИВАН. А что он там делает?
ВЕРА. Сидит, в окно смотрит... Вид скотский.

ИВАН. Не говори так.

ВЕРА. Иван, у нас в доме чужой человек!

ИВАН. Что значит чужой, Вера?! Что значит чужой?! Что это вообще за формулировка, *чужой человек*? Знаешь, в известной степени, мы все друг другу чужие люди. Даже мы с тобой Вера, хоть и прожили сорок лет, – в сущности, чужие люди. Но прежде мы не задумывались над этим. Теперь же, когда самость и алчность сделались правилом, когда мы вынужденно залюбовались собой и похвалили себя, потеряв строй и голову, когда прочувствовали свою неповторимость и непогрешимость, нарушился порядок жизни, Вера!.. Во что мы превращаемся и во что превратились, душа моя!.. Костры больше не горят, застольные песни не звучат! Убежав от товарищей в поле, открывшись всем ветрам, мы гибнем от одиночества и глупости! И погибнем окончательно, если не одумаемся и не вернёмся в облитый солнцем полевой стан, стан хлебопашцев и народных умельцев, к благоухающей золотистой похлёбке на общем столе... А между тем, Вера, все мы, на самом деле, –

родня. Стоит каждому из нас до конца проследить генеалогическую ветвь, теперь скорее напоминающую ветшающую лиану, нежели виноградную лозу, прости за пафос, но иначе нельзя... итак, стоит мысленно вознестись к истокам, как тут же мы все и каждый из нас буквально столкнётся нос к носу с прародителями нашими, праотцем и праmaterью. Верующие – с Адамом и Евой, атеисты – с первобытными обезьянами.

Пауза.

ВЕРА. Кто он?

Пауза.

ИВАН. Скажи, давно ли ты была на свалке? Ты никогда не была на свалке. А мне приходилось. И я видел. Люди и вороны. Чёрные, сутулые. Те, что поменьше – вороны, те, что крупнее – люди. В сущности, мало чем отличаются друг от друга. Копаются в дымных грудках в поисках тепла и пропитания. Они никому не нужны, Вера. Ни близким – ни дальним. В прошлом работники, землепашцы и краснодеревщики, лётчики и планеристы, боксёры и пловцы, чайки и альбатросы, зяблики и голуби, все чьи-нибудь дети и чьи-нибудь родители... А ну, как сами мы окажемся на свалке, душа моя? Разве можем мы исключить подобное развитие событий?.. Времена-то какие?.. И кто протянет нам руку помощи?.. А ведь мы, Вера, беспомощны, как голые землекопы, беспомощны, но, к сожалению, не бессмертны, как голые землекопы.

ВЕРА. Кто это – голые землекопы?

ИВАН. Роющие грызуны.

ВЕРА. Они, что, живут вечно?

ИВАН. Именно так.

ВЕРА. Они не могут жить вечно.

ИВАН. Между тем, Вера, голые землекопы не умирают. Никому не удавалось встретить мёртвого голого землекопа. Точнее, таковых видели, но только убиенных. Кого-то машина сбила, других молния поразила. Кошки лютуют. Но не в этом суть. Голые землекопы естественной смертью не умирают. Факт. Я слышал, что у них в слюне содержится некий фермент, который при взаимодействии с водой образует спиртосодержащее вещество, наподобие бражки. Дескать, это и предопределяет их бесконечно долгую жизнь. Подобная информация естественно замалчивается, так как, если её обнародовать, у многих, Вера, возникнут во-

просы. Не только у простых людей, напоподобие нас с тобой, но и у тех, кто наверху.

Пауза.

ВЕРА. Он будет жить у нас?

ИВАН. Кто?

ВЕРА. Тот, кто на веранде.

Пауза.

ИВАН. Хорошо. Что ты предлагаешь?.. Выгнать его? Как ты это себе представляешь?.. Я привёл человека в дом, чтобы согреться. Сам привёл, понимаешь?.. Попробуй сосредоточиться. *Чтобы согреться, Вера!* Привёл человека, чтобы согреться! Услышь меня!.. Он озяб, понимаешь? Когда я его встретил, он был покрыт слоем льда в три сантиметра. Только две дырочки источали пар. Всё остальное – ледяная корка. Даже глаз не видно было. Ещё подумал – интересно, какого цвета у него глаза? Должно быть, голубые. Кстати, бельки рождаются с голубыми глазами... Полярник, понимаешь? Я самому себе не поверил – настоящий полярник. У меня прямо сердце зашло... Ты родилась девочкой, Вера, и тебя подобные истории не интересовали, а мы, мальчишки, в детстве грезили полярниками. Я и сейчас, иногда, перед тем как уснуть представляю себе Руаля Амундсена.

ВЕРА. Кого?

ИВАН. Амундсена Руаля. Закрываю глаза и вижу его. Грешным делом, думаю – какое счастье, что я теперь в тепле, под ватным одеялом, а мог бы, рискуя жизнью, пробиваться с товарищами своими к Северному полюсу. Или к Южному полюсу. Но одно дело, Вера, мечты и сновидения, а здесь наяву настоящий полярник! Прибыл из прошлого века, преодолев сопротивление времени. Возможно, заблудился или замёрз во льдах. Какая-то экспедиция, я ещё толком не узнал. Толком не поговорили – так он замёрз! Можно себе представить, путешествие по заснеженной пустыне длиною в сто лет... В окно смотрит – по Антарктиде тоскует... Может быть, стесняется, конечно, но, скорее всего, тоскует.

Пауза.

ВЕРА. Какую чухшь ты несёшь?.. Видишь, что водка с тобой делает?

Пауза.

ИВАН. Вероятно ты мне не очень-то поверила. Скорее всего, считаешь, что путешествия во времени – фантазия?.. А как быть с Рудольфом Фетцем?.. Слышала ли ты, Вера, что-нибудь о Рудольфе Фетце?.. Нет, конечно. Суэта и хаос поглотили тебя. А был такой человек, Рудольф Фетц. К сожалению, в одна тысяча девятьсот пятидесятом году в возрасте тридцати с небольшим лет в Нью-Йорке его сбила машина. Сбила насмерть. Казалось бы, и делу конец. Мало ли людей погибает под колёсами транспорта? Если бы не одно волнующее обстоятельство. Когда полицейские приступили к расследованию, выяснилось, что этот самый Рудольф Фетц в возрасте двадцати девяти лет пропал без вести в одна тысяча восемьсот семьдесят шестом году. При опознании трупа Рудольфа был обнаружен медный маркер для пива, законопроект по уходу за лошадьёю и повозкой, письмо, датированное в аккурат одна тысяча восемьсот семьдесят шестым годом, семьдесят долларов и визитные карточки. Вещи были без каких-либо признаков старения... Это, голубушка, подлинный и неоспоримый факт, только один из множества подлинных и неоспоримых фактов подобного рода. Памятуя об этом, я нисколько не удивлюсь, если наш гость окажется участником экспедиции того самого Руаля Амундсена, что является мне по ночам, или иной экспедиции. А может статься, даже старшим лейтенантом Седовым, который, по злой иронии, умер в возрасте тридцати шести лет, но как раз на острове Рудольфа во время неудачной экспедиции к Северному полюсу. На жизненном пути, душа моя, иногда приходится сталкиваться с такими аргументами и фактами, что просто голова кругом...

Пауза.

ВЕРА. И что с этим делать?

ИВАН. С чем?

ВЕРА. С твоим гостем?

ИВАН. С моим гостем или твоими изменами?.. С моим гостем или твоими изменами?! Ты не ослышалась, Вера! Сынок подарил тебе отличный слуховой аппарат. С твоими, Вера, изменами, Вера!

ВЕРА (*тяжело вздыхает*). Опять за своё.

ИВАН. Ещё бы!

ВЕРА. С какими изменами, Ваня?

ИВАН. Тайными и явными.

ВЕРА. Господи! Как же мне всё это надоело! Что ты собираешь... старый... старый... человек?!

ИВАН. Тайные и явные измены! Так называемые грехи молодости и зрелости. Забыла?.. *Не возжелай ближнего своего.* Забыла?.. Разве я виноват в том, что ты стареешь, а я практически не меняюсь. Даже помолодел немного? Моя духовность тому причина. И твоя, напротив, бездуховность.

БЕРА. Господи, Ваня! Когда это кончится?

ИВАН. Скоро. Очень скоро всё кончится... Я болен, я чувствую, что болен, и скоро не смогу больше пить... Очень скоро я брошу пить, Вера. Или умру... Или так – брошу пить и тотчас умру! Так бывает! Умру молодым. Ужас охватит тебя и прочих заблудших... А вот когда я умру, Вера... Имей в виду, иногда бывает очень трудно разобратся – мёртвый перед тобой человек или живой... А вот когда я, Вера, умру, Вера...

БЕРА. Будешь являться по ночам?

Пауза, по лицу Ивана катятся слёзы.

ИВАН. К несчастью, ты не умна, Вера. Страсть застила мне глаза, когда я впустил тебя в своё сердце навсегда... Очень скоро всё кончится. И ты будешь свободна, Вера... Но тебе придётся ответить на все накопившиеся у меня вопросы. И отвечать придётся уже трезвому человеку. Знаешь, что такое отвечать на главные вопросы трезвому человеку?.. Это – ад, Вера... А пока потерпи... Я исповеди от тебя не требую. Человек, умудрившийся не сберечь целомудрие, к исповеди не способен. Да и не нужны мне твои признания и отрицания. Что в них проку? Носи своё в себе. Это у тебя отлично получается... Постараюсь больше тебе не докучать... По крайней мере, теперь, когда, преодолев сопротивление времени, ко мне вернулся мой долгожданный, мой любимый, мой младший брат Христофор, Христофорушко, как обыкновенно называю я его про себя, мне есть кому поплакаться, пожаловаться на попорченную и растоптанную жизнь, жизнь, проведённую в чудовищной лжи и неравной борьбе!.. Но знай, я верил тебе все эти годы!.. Прости и прощай, любовь моя!

Вера Васильевна поднимается, уходит.

ИВАН (*кричит вслед*). Но я по-прежнему люблю тебя, Вера! Имей это в виду! Знаю, ты вновь станешь красоткой, как и сорок лет назад!

Иван Сергеевич отправляется в угол комнаты, извлекает из голенища сапога бутылку водки, пьёт из горлышка.

Картина вторая

За столом Иван Сергеевич, Христофор и водка.

Иван Сергеевич читает вслух.

ИВАН. *Лето выдалось душным и жарким...* Знаю, что не положено, но для усиления эффекта позволил себе сдвоить. Можно было бы написать *и душным, и жарким*, пожалуй, так было бы ещё лучше, но потом решил оставить как есть. Простой человек запросто может так выразиться. И другой простой человек его тотчас поймёт и проникнется, согласись. А я как раз пишу о простых людях и для простых людей, коренных людей. На том стою... Духота сразу чувствуется, правда? Просто *жаркое лето* – ни о чём... Потом, знаешь, автору очень важно оторваться от канонов, согласен? Автор должен чувствовать себя совершенно свободным, согласен?.. Ну, ладно. Поехали дальше... *Иван и Марья вышли на крыльцо, чтобы напиться чистым, светлым, пропахшим реченькой и парным молоком воздухом...* Молоко и река – вполне допустимое сочетание. Откровенно говоря, первым посылом было *грудное молоко*, но удержался. При чём здесь грудное молоко? Согласен?.. Если бы у Марьи был ребёночек – другое дело. Но Марья целомудренна. Вообще в моей Иванихе живут исключительно целомудренные люди. Такие деревни и теперь не редкость. Гармония, понимаешь? Там гармонисты на танцах Баха исполняют, можешь себе представить? Немного идеализирую, конечно... Ладно, время рассудит. Поехали дальше... *Третьего дня в Иванихе появились первые геологи – суровые мужественные люди с большими руками и большими ногами в болотных сапогах...* Опять сдвоил, но это такой приём. У каждого автора свой почерк... *Особых хлопот местным жителям геологи не доставляли. Не удивительно – труженики недр, вразрез с бытующим наветом, не пили, не курили и не ругались по матушке. – Какие же это геологи? Разве настоящие геологи такие? – сокрушался дед Никифор...* А дед Никифор – это такой ироничный старичок, заноза такой, но человек исключительной доброты. Но заноза. Я его ввёл специально, чтобы немного оттенить положительных персонажей... *Разве*

настоящие геологи такие? – сокрушался дед Никифор. Настоящие геологи пьют, курят и ругаются по матушке... Повтор. Надо же? Действительно, повтор. Как это я пропустил? Не забыть убрать... Ну, слушай дальше... В этот час геологи уже спали. Ивану своим чёрным, украшенным большими яркими звёздами плащом накрыла ночь... Чёрный, украшенный большими яркими звёздами плащ – метафора. По-моему удачная. Впрочем, не знаю. Писание отлежаться должно. Я отдельные повести по два, а, случалось, и по три года выдерживал... Может, костёр затеем? – спросил Иван. – Не быть бы пожару? – выразила сомнение Марья, – кажется, ветер занимается. А ветра у нас, сам знаешь, Иван, безжалостные... Ветра – своего рода символ простора, безбрежности... У меня в Иванихе то и дело какие-нибудь опасные события происходят. Пожары, стихийные бедствия. То есть я показываю, что за гармонию приходится постоянно бороться. То есть у моих героев не всегда счастливая жизнь... Честно скажу, просто смелости у меня не хватает оставить как есть, без всяких этих стихий, лагерей и прочих несчастий. Но конфликт проклятый своего требует... Фабула, сюжет. Поножовщина. Не люблю я всякое такое. Вот колено гладкое – и никого не смущает, что оно гладкое. А если на колене том шишка вскочит – тотчас в смятении к врачу бегут. Отчего же повествование не может быть гладким от начала до конца? Вышивают же гладью?.. Озеро тоже гладким бывает, когда нечему беспокоиться... Тут идея такая. Вся бескрайняя матушка Россия спит крепким сном. А в отдельной деревне Иванихе, что и привлекло внимание автора, селянам что-то не спится. Один за другим покидают они свои избы, выходят на просторы. Вместе с ними – недавно прибывшие геологи, провозвестники радостных событий и перемен... Что происходит? Отчего им не спится в поздний час?.. А здесь уже метафизика. Пространство, кто-то назовёт это информационным полем вселенной, кто-то – провидением, а кто-то – Богом, некое трансцендентное пространство руководит нами. Нашими жизнями, нашими судьбами. Вне наших желаний и мечтаний. Новое обрушивается на нас как гроза или землетрясение. Как война. Мы думаем, что войны затевают люди. Так оно и есть. Но делают они это, если вдуматься, не по своей воле, то есть не совсем по своей воле. Много на себя берём – такие мысли возникают. Попросту – если быть войне, так

она и случится... Или, напротив, всеобщее счастье и ликование. В моей повести речь идёт как раз о всеобщем счастье и ликовании. Забегая вперёд, скажу, геологи найдут газ и нефть. И в финальной сцене вместе с селянами будут в ней купаться и играть... Вообще это произведение не о жизни людей, но о жизни духа. Понимаешь?.. Ну, слушай дальше... На голос Марьи спешит из своей хаты Валентина, многодетная мать...

Христофор встаёт из-за стола, поправляет китель.

ИВАН. Душно тебе, Христофор?.. Ну, ступай, охолопись, душа моя. А я поработаю. С твоим появлением и вдохновение ко мне, кажется, вернулось.

Христофор удаляется на веранду. Иван наполняет стакан.

Картина третья

За столом Иван Сергеевич и Лизавета. Иван Сергеевич уже основательно во хмелю.

На веранде сквозь матовое стекло угадывается силуэт Христофора.

ЛИЗАВЕТА. Пойду я, Иван Сергеевич, мне убираться нужно.

ИВАН. Не спеши. Посиди со мной, выпей.

ЛИЗАВЕТА. Сынок ваш придут, а у меня не убрано. Ругаться будут.

ИВАН. Ну и что же? Когда я с тобой, никого не бойся.

ЛИЗАВЕТА. Тяжёлый характер у вашего сына, Иван Сергеевич.

ИВАН. Это – в мать. Мать у него женщина трудной судьбы, ещё смолоду запуталась, никак распутаться не может.

ЛИЗАВЕТА *(улыбается)*. Он хороший.

ИВАН. Пашка хороший?

ЛИЗАВЕТА. Хороший.

ИВАН. Ну-ну... А с чего это ты взяла, что он придёт?

ЛИЗАВЕТА. Его Вера Васильевна по телефону приглашали, велели явиться срочно.

ИВАН. Это по мою душу.

Пауза.

ЛИЗАВЕТА. Пойду я.

ИВАН. Не спеши. Посиди, выпей. Видишь, печалюсь я.

ЛИЗАБЕТА. С Верой Васильевной поругались?

ИВАН. Не то, чтобы... Видишь ли, она хочет, чтобы я брата изгнал, Христофорушку. А как я его изгоню? Я его, преждевременно утраченного, всю жизнь ждал. Бога молил, чтобы он мне брата вернул, и вот теперь, когда мечта свершилась, когда невозможное и невыносимое произошло, я, видишь ли, должен его изгнать!

ЛИЗАБЕТА. Это тот человек, что не веранде сидит?

ИВАН. Он самый. Я в сторону его даже посмотреть не решаюсь – боюсь, исчезнет. Вот как я ему рад.

ЛИЗАБЕТА. А почему он на веранде?

ИВАН. Душно ему здесь. Без холода не может. Полярник. Погрелся немного – и сразу на веранду. А до того с ездовыми собаками в сарае жил. А там ноль градусов, не больше. А ему – хоть бы хны. Такой зимний человек. Полярник. Отбил от экспедиции – и напрямик сюда. Сто лет добирался. Видишь как?

ЛИЗАБЕТА. Допустим, не сто.

ИВАН. Как не больше... А может быть, он из будущего пришёл. А что? И так бывает... А будущее, Лизавета, необыкновенно и великолепно... Обидел я его, предал. Видишь, как?.. Давно. Сам-то ещё мальчонком был несмышлёным, шести лет, не больше, а уже предал.

ЛИЗАБЕТА. Не поверю ни за что. Не может шестилетний ребёнок предать.

ИВАН. Может, ещё как может! Вот у тебя свои дети будут – поймёшь.

Лизавета смеётся.

ИВАН. Ты чего смеёшься?

ЛИЗАБЕТА. Просто так.

ИВАН. Сколько тебе теперь?

ЛИЗАБЕТА. Да уж двадцать шесть.

ИВАН. Понятно.

Пауза.

ЛИЗАБЕТА. А как вы брата предали, Иван Сергеевич? Если не хотите – не говорите.

ИВАН. Убил.

ЛИЗАБЕТА. Вы шутите со мной, Иван Сергеевич?

ИВАН. Нисколько не шучу.

ЛИЗАБЕТА. Если бы вы его убили, он бы не пришёл.

ИВАН. Как раз наоборот.

Лизавета серьёзнее, видимо, пытается разгадать головоломку.

ЛИЗАБЕТА. Не понять мне.

ИВАН. И не пытайся, душа моя. Дела семейные – такая комиссия. Выйдешь замуж – поймёшь... Хочется замуж-то?

ЛИЗАБЕТА (*улыбается*). Вы о таких вещах спрашиваете.

ИВАН. Ты не тушуйся. Со мной о чём угодно можно без утайки говорить... Ты выпей со мной.

ЛИЗАБЕТА. Нет-нет, Иван Сергеевич, мне нельзя!

ИВАН. Ну, как знаешь. А я уж не премину... Есть у тебя кто-нибудь на примете?

ЛИЗАБЕТА (*улыбается*). Как будто.

ИВАН. Что значит *как будто*?

ЛИЗАБЕТА. Есть.

Пауза.

ИВАН. Это, Лизавета, плохо.

ЛИЗАБЕТА. Почему?

ИВАН. А я тебя себе готовил. Думал, вот Вера Васильевна помрёт когда-нибудь, так я на тебе женюсь.

ЛИЗАБЕТА. Что вы такое говорите, Иван Сергеевич?!

ИВАН. Мы все когда-нибудь помрём.

ЛИЗАБЕТА. Что вы такое говорите, Иван Сергеевич?!

ИВАН. А что, пошла бы ты за меня?

ЛИЗАБЕТА. Не говорите так. Я Веру Васильевну люблю.

ИВАН. И я её люблю. Одно другому не мешает.

ЛИЗАБЕТА. Давайте оставим эту тему, прошу вас.

ИВАН. Оставим, оставим... Но ты меня хотя бы любишь? Напоследок скажи, утешь старика.

ЛИЗАБЕТА. Конечно.

ИВАН. Страдать будешь, когда под венец пойдёшь?

ЛИЗАБЕТА (*смеётся*). Конечно.

ИВАН. Ну, хоть так.

Пауза.

ЛИЗАБЕТА. Побегу я, уж скоро Павел Иванович придут.

ИВАН. погоди ещё минуточку. Я тебе наказ дам, Лизавета. Я же тебе, почитай, второй отец, душа моя. Не так разве?

ЛИЗАБЕТА. Так.

ИВАН. Ну так слушай. Вот я сейчас произнесу одно слово. И ты для себя это моё слово, этот мой наказ положи главным. Самым главным. На всю жизнь. Условились?

ЛИЗАВЕТА (*смеётся*). Условились.

ИВАН. Хохотушка. Умница... А слово это, Лизавета – *целомудрие*.

ЛИЗАВЕТА. И что это значит?

ИВАН. А то и значит, что отныне и на всю оставшуюся жизнь ты будешь беречь своё целомудрие. Днём и ночью. На всю оставшуюся жизнь. Обещай мне.

Пауза.

ЛИЗАВЕТА. То есть я уже не смогу выйти замуж?

ИВАН. Выходи на здоровье, но целомудрия не теряй.

Пауза.

ЛИЗАВЕТА. Я, наверное, неправильно понимаю...

ИВАН. Не исключено.

ЛИЗАВЕТА. А как нужно понимать?

ИВАН. А вот я тебе сейчас расскажу. Но прежде выпью. (*Выпивает*.) Итак, целомудрие, душа моя, – совсем не борьба за девственность, как принято считать. Беречь девственность как зеницу ока, а также отождествлять её с честью и совестью по меньшей мере глупо. Я вообще нахожу девственность пережитком прошлого и до сих пор удивлён, почему не создано каких-либо научных институтов, общественных организаций, движений, направленных на борьбу за признание девственности, как пережитка тёмного прошлого, в сущности, представляющего собой тюрьму и каземат. Возможно, ты не готова к подобного рода идеям, возможно, подобный взгляд может показаться тебе преждевременным, неоправданным или сугубо мужским. Последнее имеет особое значение. Ну что же, отвечу на твой невысказанный вопрос – да, я мужчина, и только что выпил, не забывай. (*Смеётся*.) Однако слова мои прими во внимание. Возможно, это уберёжет тебя в дальнейшем от чёрной меланхолии при встрече с противоположным полом, необдуманных поступков, как правило, совершаемых на высоте страсти или азарта и даже от преждевременной смерти... И ещё. Пусть тебя не удивляет, что корневой человек, певец корневых людей распространяет подобное вольнодумство. Не забывай, твой названный отец и несостояв-

шийся жених, кроме всего вышеперечисленного, ещё писатель и философ... Но мы немного отвлеклись. Вернёмся к базису. Итак, *целомудрие*. Что же это такое – целомудрие, что за зверь такой?.. Воздержание? В каком-то смысле – да. Но. *В каком-то смысле*, не больше. То есть – не догма. Скажу совсем просто, чтобы ты сразу всё поняла. Целомудрие есть не что иное, как равновесие. Равновесие – точный синоним. Чтобы жизнь твоя, Лизавета, складывалась в высшей степени успешно и радостно, ты постоянно должна удерживать равновесие. Как вовне, так и внутри себя... Окружающий мир, душа моя, буквально соткан из провокаций. Окружающий мир, назови его хоть Эйкумена, хоть Эвгена, Эвгена – для рифмы, хотя стихов не пишу, но умею. Пошлость, конечно... Так вот, Эвгена то и дело будет пытаться вывести тебя из равновесия. Дабы противостоять агрессии – ты должна всё делать наоборот. Кое-что у тебя уже получается. На интуитивном уровне. Например, со мной. Я провоцировал тебя на брак, после предстоящего скорбного ухода жены. С учётом моего статуса и благонамеренности знаю – это для тебя заманчивое предложение. Кому же не захочется выскочить замуж за большого писателя, да ещё склонного к философии? Но ты, недолго думая, что в данном случае особенно важно, отказала, представив дело таким образом, что у тебя, дескать, уже есть молодой человек. Или молодой человек. Не имеет значения. Что же? Первая победа одержана. Поздравляю!

Пауза.

ЛИЗАВЕТА. У меня будет ребёночек, Иван Сергеевич.

Пауза.

ИВАН. Откуда?.. То есть, я хотел спросить, у нас с тобой что-то было?

ЛИЗАВЕТА. Нет. Я сохранила равновесие.

Пауза.

ИВАН. То есть я хотел спросить, кто отец.

ЛИЗАВЕТА. Павел Иванович.

ИВАН. Кто таков Павел Иванович?

ЛИЗАВЕТА. Ваш сын.

После продолжительной паузы Иван Сергеевич выпивает.

ИВАН. Вы, что же, близки?

ЛИЗАВЕТА. Нет... В том смысле, что он очень занят, мы редко видимся.

Пауза.

ИВАН. Он знает?

ЛИЗАВЕТА. Пока не знает... Так что очень скоро мы с вами станем роднёй.

Пауза.

ИВАН. У вас что же, любовь?

ЛИЗАВЕТА. Любовь.

Пауза.

ИВАН. В этом доме вообще много любви. Очень много. Чеховские места.

ЛИЗАВЕТА (*сияет*). Красиво у нас.

Пауза.

ИВАН. А Вера Васильевна?

ЛИЗАВЕТА. А что Вера Васильевна?

ИВАН. Вера Васильевна знает?

ЛИЗАВЕТА. Пока не знает... Я её побаиваюсь немного, но скажу обязательно.

Пауза.

ИВАН. Хаос дышит.

ЛИЗАВЕТА. Как?

ИВАН. Хаос.

ЛИЗАВЕТА. А что это?

Иван Сергеевич укладывается на диван. Лизавета присаживается с краю.

ИВАН. Знаешь, Лизавета, я бы, пожалуй, уехал куда-нибудь. Либо улетел бы. Я ведь ещё в детстве мечтал стать стратонавтом. Или полярная экспедиция. Поговорить с Христофором? Может быть, он планирует вернуться? А что? Брата нашёл – можно и назад. Или на планере. Ты когда-нибудь на планере летала, душа моя? Они красивые, планеры эти, красные. Бывают и белые. А я ведь с Гагариным дружил, знаешь? Не то, чтобы дружил, письма ему писал. Он мне, конечно, не отвечал. Когда ему было отвечать? Но думал обо мне, наверняка думал. (*Засыпает.*)

Лизавета достаёт из шкафа плед, укрывает им Ивана Сергеевича. Гасит свет, уходит.

Картина первая

За столом Иван Сергеевич, Вера Васильевна и Павел. 141

На веранде сквозь матовое стекло угадывается силуэт Христофора.

ПАВЕЛ. ...и вот входит мужчина в прорезиненном синем плаще, первый раз его вижу, входит степенно так и спрашивает прокурорским тоном: «Ваша фамилия Уточкин?» «Уточкин», – отвечаю.

Пауза.

ВЕРА. И что дальше?

ПАВЕЛ. А всё. Больше ничего не помню. Заспал.

ВЕРА. Нехороший сон. Сон в руку.

Пауза.

ПАВЕЛ. Ну всё. Забыли. (*Ивану Сергеевичу.*) Бедный мой отец! Нездоровый спившийся отец! Ревнивец, лгун и прохиндей. Орфей полевых станом. Мне бы на четверть твоих талантов. Уж как воспарила бы моя жизнь! Разве такие куцые сны бы мне снились?.. Интересно, а тебе что снится? Поделись.

ИВАН. В трудах моих сие отражено. Читай, изучай.

ПАВЕЛ. Нет, правда, что тебе снится?.. Сажа? Вата? Валяные сапоги?

ИВАН. В трудах моих... в моих, в моих...

ПАВЕЛ. Не помнишь, бедняга. Уже ничего не помнишь.

ИВАН. Здравствуй, сынок.

ПАВЕЛ. Здравствуй, здравствуй.

ИВАН. Последнее время с памятью у меня, действительно, некоторые проблемы. Астрологический возраст. Не путать с фактическим. Хотя знаешь, мама, к примеру, по паспорту будучи моей ровесницей, душой чрезвычайно молода. Вот ты упрекаешь меня за чрезмерное, как тебе кажется, воображение, но мои фантазии, сынок, – ничто в сравнении с маминими мечтами. Вот уж где пёстрые опасные миры. Прыть. Это называется прытью. Порой меня оторопь берёт. Она своих химер, конечно, тщательно прячет, но я за долгие годы совместного проживания научился читать её мысли и предвкушения. Содом и Гоморра... С тобой она, конечно, не

поделится. Всё же ты – сын, а грезы её сугубо женской направленности... Был бы ты дочерью... Кстати, давно хотел тебя спросить, ты никогда не мечтал стать девочкой, сынок?.. Ты не стесняйся. В этом нет ничего зазорного, а в наше время даже приветствуется...

ПАВЕЛ. Заткнись, пожалуйста!

ИВАН. Наше благословенное время, исполненное душевных и физиологических свобод...

ПАВЕЛ. Очень тебя прошу!

ВЕРА. Павел, не заводись, умоляю!

Пауза.

ИВАН. *Взмыли до дна, и сонм мушкетёров поглотил их...* Цитата моя. Повесть называется «Почин». Об известном соревновании авиаторов и шахтёров в одна тысяча девятьсот тридцать девятом году. Благословенное время.

Пауза.

ПАВЕЛ (*Ивану Сергеевичу*). Хочешь, я тебе аквариум куплю? Будешь рыб кормить. Например, корюшку... А хочешь – поросят заведём. Родня, как-никак... Могут грядки разбить. Будешь солёные огурчики выращивать...

ИВАН. Мама называет это юмором висельника.

ПАВЕЛ. Но я же твой сын.

ИВАН. Сын, да. Сын мой. Конечно. Надеюсь. Очень.

ВЕРА. И вот эти гнусные намёки каждый день, Павел.

ПАВЕЛ. Да не обращай ты внимания.

ИВАН. Любовь, любовь!

Пауза.

ПАВЕЛ (*Ивану Сергеевичу*). А может быть, тебе бильярда хочется? Шары гонять?

ИВАН. Бильярда?

ПАВЕЛ. Бильярда.

ИВАН. Неожиданно... Бильярд – да. Бильярд купи, пожалуй. Бильярд – это хорошее...

ПАВЕЛ. С кем будешь играть?

ИВАН. Не знаю. С тобой. Или ты не жалуешь?

ПАВЕЛ. А мне, отец, некогда шары гонять.

ИВАН. Много трудишься?

ПАВЕЛ. Тружусь. В поте лица, как говорится.

ИВАН. Ну-ну... А я давно в бильярд не играл... Когда-то любил... Знаешь, было время, сынок, когда все играли... Да, интересно было бы. Я про бильярд-то уже и забыл, признаться...

ПАВЕЛ. Так ты кий в руках не удержишь.

ИВАН. Не знаю, надо попробовать... А знаешь, у меня в молодости был такой плащ. Именно синий...

ПАВЕЛ. Очень хорошо.

ИВАН. Ты, конечно, не помнишь?

ПАВЕЛ. Конечно.

ИВАН. По-моему, даже где-то сохранился. (*Вере.*) Не знаешь, сохранился или нет?

ВЕРА. Лежит в кладовке.

ИВАН. Достань.

ВЕРА. Зачем он тебе? Старьё.

ИВАН. Ну я тебя прошу.

ВЕРА. Не нужен он тебе.

ИВАН. Юность вспомнить.

ПАВЕЛ (*Ивану Сергеевичу*). Ну что ты прицепился к этому плащу?

ИВАН. А тебе не интересно сравнить, сопоставить?

ПАВЕЛ. Нет.

Пауза.

ИВАН (*вздыхает*). Сегодня суббота. У евреев праздник.

ПАВЕЛ. Это ты к чему?

ИВАН. Не знаю, вспомнилось... А зачем он приходил?

ПАВЕЛ. Кто?

ИВАН. Тот мужчина во сне.

ПАВЕЛ. Откуда мне знать? Говорю же, заспал... Ты издеваешься, что ли?

ИВАН. Нет, просто так спрашиваю.

ПАВЕЛ. У тебя просто так ничего не бывает.

Пауза.

ИВАН. Убогое поколение, конечно. Уж сколько я старался обосновать, найти оправдание, защитить, – напрасный труд. Чему удивляться? Не все зёрна, как говорится, на плодородную почву упали. Иные так на камнях и засохли... Хотя мы старались как могли. Плохо старались, значит... Но однажды вас не станет. Исчезнете без следа. Спираль виток завершит – и всё... Плакать, конечно, будем, но что делать?

Пауза.

ПАВЕЛ. Это ты о ком?

ИВАН. Ни о ком. Мысли вслух.

Пауза.

ПАВЕЛ (*Ивану Сергеевичу*). В психушку ляжешь.

Пауза.

ИВАН. Как говоришь? Куда лягу?

ПАВЕЛ. В психушку, в психушку.

ИВАН. Не лягу.

ПАВЕЛ. Ляжешь. Я уже договорился.

ВЕРА (*Ивану Сергеевичу*). Надо, Ваня, надо. Ты своё состояние оценить не можешь, а со стороны очень даже бросается в глаза. Вот и о смерти уже заговорил. (*Павлу*.) Он о смерти уже заговорил. (*Ивану Сергеевичу*.) Скоро за ножи хвататься начнёшь.

ИВАН. Да не могу я. В другое время – с превеликим удовольствием, а теперь не могу.

ПАВЕЛ. Чего ты не можешь?

ИВАН. В больницу ложиться не могу.

Пауза.

ПАВЕЛ (*Ивану Сергеевичу*). Посмотри, на кого ты похож!

ВЕРА. Писать бросил. Раньше хотя бы писал.

ПАВЕЛ. Ты почему писать бросил?

ИВАН. Не бросил.

ВЕРА. Бросил.

ИВАН. Не бросил.

Пауза.

ПАВЕЛ (*Ивану Сергеевичу*). Долго тебя там держать не будут...

ВЕРА. Очень жаль.

Пауза.

ИВАН. Я теперь никак не могу, сынок. Попозже – обязательно. Я тебе обещаю. А сейчас никак не могу.

ПАВЕЛ (*Ивану Сергеевичу*). На тот свет собрался?

ИВАН. Скажу – не поверите.

ВЕРА. Говори уж.

ИВАН. И не поверите, и не поймёте.

ВЕРА. И поймём, и поверим.

Пауза.

ИВАН (*улыбается*). В экспедицию я собрался.

ПАВЕЛ. В какую экспедицию?

ИВАН. В археологическую. Возможно – в полярную, ещё не решили с братом. Скорее всего, в полярную. Он – полярник.

ВЕРА (*Павлу*). Вот, кстати, с этим братом тоже что-то делать нужно.

ПАВЕЛ. Это, мама, вообще не проблема.

ИВАН. Мой брат – удивительный человек. Вам, сынок, с ним надо обязательно познакомиться и подружиться... Я, знаешь, я хотел тебя просить устроить его сторожем. На время. Только на время. Пока мы не подготовимся. Экспедиция – дело серьёзное, сам понимаешь. Он бы как раз денюжат немного заработал. На амуницию, и вообще.

ПАВЕЛ. Ты вообще соображаешь, что говоришь?.. Каким сторожем, где?

ИВАН. Да хотя бы здесь. А что? Живём на отшибе. А он – человек военный, бывалый.

ПАВЕЛ. Какой он человек?

ИВАН. Военный. Очень серьёзный человек. Очень. Серьезный, ответственный. Вам обязательно нужно с ним познакомиться.

ПАВЕЛ. Познакомимся, не сомневайся.

Пауза.

ИВАН. Устроишь?

ПАВЕЛ. Непременно устрою.

ИВАН. Вот и хорошо... Спасибо, сынок.

ВЕРА. Дома я его не оставлю, как хотите.

ПАВЕЛ. Мама!

ИВАН. Он в сарае будет жить. Кому мешает?

ВЕРА. Мне мешает.

ПАВЕЛ. Мама!

ИВАН. Что ты такое говоришь, Вера? Это – мой брат, мой младший брат.

ВЕРА (*Павлу*). С этим братом, Паша, определённо что-то нужно делать. И срочно, Паша. Чужой человек в доме!

ПАВЕЛ. Разберёмся. Не проблема. Не переживай... Я просто сейчас визга не хочу. Он же визжать станет. По-тихому решим вопрос.

ИВАН. Кто визжать станет?

ПАВЕЛ. Ты визжать станешь.

ИВАН. Не знаю, не думаю. С чего это мне визжать? Никогда не визжал. И не собираюсь... Храплю – да. Но не визжу... Визжат свиньи.

ПАВЕЛ. Вот именно.

Пауза.

ИВАН. А *по-тихому* – это как? Это что ты имеешь в виду, *по-тихому*? Я, конечно, догадываюсь, но даже думать об этом боюсь... Павел, ты не сделаешь этого!

ПАВЕЛ. Чего *этого*?

ИВАН. Я знаю, что такое у вас *по-тихому*. Это – как вы с Аркашкой поступили. Вот что такое *по-тихому*.

ПАВЕЛ. Молчи! Об Аркашке вообще молчи! Ты ничего не знаешь. И ты действительно ничего не знаешь.

ИВАН. Я всё знаю.

ПАВЕЛ. Заткнись, пожалуйста!

Пауза.

ВЕРА. А что случилось с Аркадием, Павлик?

ПАВЕЛ. Ничего не случилось. Умер Аркадий.

ВЕРА. Какой кошмар! Вы же с ним по-годки. А почему умер?

ПАВЕЛ. Несчастный случай.

ВЕРА. Какой кошмар!

ПАВЕЛ. Мама, пожалуйста...

ВЕРА. Бедный мальчик.

Пауза.

ИВАН (*Павлу*). Я брата в обиду не дам, имей в виду. Костьми лягу.

ПАВЕЛ. Надо будет – ляжешь.

ИВАН. Имей в виду, я вас не боюсь, имей в виду!.. Я подготовку в стратонавты проходил! Вы не знаете, что это такое – подготовка в стратонавты! Это полная подготовка по всем статьям, имей в виду!.. включая боевую и стратегическую подготовку...

ПАВЕЛ (*Вере Васильевне*). Видишь, начинается.

ИВАН. Что начинается?

ПАВЕЛ. Визг.

ИВАН. Это – не визг. Это предупреждение... Не волнуйтесь, мы с Христофором скоро уйдём, и все ваши проблемы разрешатся.

ВЕРА (*Павлу*). Надо же такое придумать? Христофор. Как тебе имечко?

ПАВЕЛ. Чьё имечко?

ВЕРА. Это, Павлик, имя нашего гостя, брата отца.

ПАВЕЛ (*смеётся*). Христофор?

ИВАН. Дядя Христофор. Он твой дядя, сынок. Мама права.

ПАВЕЛ. Да знаю я этого Христофора. Витьком его звать. У церкви пяточки сшибает.

ИВАН. Кто пяточки сшибает? Дядя Христофор пяточки сшибает?! Ты обознался. Стараюсь держать себя в руках. Говорю спокойно, дыхание ровное. Пульс восемьдесят ударов в минуту. Четыре, пять, шесть. Полёт нормальный... Я спокоен, я совершенно спокоен... Стратонавты не имеют права реагировать на мелкое... Немедленно скажи, что ты обознался!

ПАВЕЛ. Обознался.

ИВАН. Ещё раз скажи! Убедительно скажи!

ПАВЕЛ. Отстань.

Пауза.

ИВАН. Что мне в тебе нравится, Павел, – умеешь признавать ошибки. В детстве, помню, в угол тебя поставишь, ты тут же: «Простите, больше не буду». Звучало искренне. Ни малейших сомнений в подлинном раскаянии. Даже стыдно делалось. Как можно такого ангела в угол ставить... Скажи, сынок, а теперь?

ПАВЕЛ. Что теперь?

ИВАН. Ходишь ли ты на исповедь?

ПАВЕЛ. Хожу.

Пауза.

ИВАН. А ну-ка ещё раз.

ПАВЕЛ. Надоел.

ИВАН. Нет, не то. Искренности больше нет... А помнишь ли ты Ялту? Ласточкино гнездо?.. Дядю Юру Гагарина помнишь? Мне так хотелось пожать ему руку. Я же ему письма писал, я тебе рассказывал?..

ПАВЕЛ. А что, если он по твою душу пришёл? Не думал об этом? Мстить пришёл.

Пауза.

ИВАН. Кто?

ПАВЕЛ. Братик. Ты, кажется, обидел его в детстве? Что-то я такое припоминаю, что-то такое ты рассказывал, плакался.

ИВАН. Не смей, дурной человек! Не смей так думать, тем более говорить!

ПАВЕЛ. А сомнение закралось. Угадал?

Пауза.

ИВАН (*сбавив тон*). Не смей так думать, тем более говорить.

ПАВЕЛ. Угадал. Конечно... Я людишек-то, папочка, не меньше твоего знаю.

Цену им знаю. Настоящую цену... Молчишь?.. Ну что, когда в больницу поедем, стратонавт?.. Можно прямо сейчас.

ИВАН. В другое время – сочту за подарок судьбы. Сейчас – никак не могу.

ПАВЕЛ. Почему?

ИВАН. Я уже докладывал. Ко мне брат приехал. Дядя Христофор.

ПАВЕЛ. Если хочешь – вместе с дядей Христофором ляжете. Я договорюсь.

БЕРА. А вот это – мысль хорошая. Очень удачная мысль... Но сейчас вы никуда не поедете. Сейчас ужинать будем. (Павлу.) Мне же его собрать надо.

ПАВЕЛ. Ну, значит, утром. (Зевает.)

Иван Сергеевич хватается за сердце.

БЕРА (Ивану Сергеевичу). Что, плохо?

ИВАН (морщится от боли). Ничего, пройдёт.

БЕРА (Павлу). Нет, нельзя ему в такую больницу, Павел. Не выдержит.

ПАВЕЛ. Бунт на корабле?

БЕРА. Потерплю, потерпим. Ничего. Без слухового аппарата я его и не слышу. Бормочет и пусть бормочет. Даже когда орёт, я его не слышу. Пусть его. Умрёт – не прощу себе. Ты только с этим гостем что-нибудь реши. Я его боюсь.

Иван Сергеевич стонет.

ПАВЕЛ (Вере Васильевне). Налей ему, что ли? И правда подохнет. Смотри, как его трясёт.

Вера Васильевна вздыхает, достаёт из кармана передника четок, рюмку.

Иван Сергеевич вскакивает, опрокинув стул, подбегает к серванту, достаёт бутылку, чинно возвращается к столу.

БЕРА (Павлу). Видишь, что делается?

Иван Сергеевич наполняет стакан, выпивает. Вновь наполняет стакан, выпивает.

ПАВЕЛ. Да чёрт с ним. Не обращай внимания. Напьётся – спать ляжет. А утром я его отвезу.

Иван Сергеевич широко улыбается. Возвращает стул на место, усаживается.

ИВАН (Павлу). Ну, здравствуй, сынок.

ПАВЕЛ. Здравствуй, коль не шутишь.

ИВАН. Кипите в бульоне, голубки? Кипите... Ну, что скажешь, Павел?.. Предположим, ты не помнишь Ялту, Ласточкино гнездо. Предположим. Ну а Государственную Третьяковскую галерею ты хотя бы помнишь? Отец и царь Иван убивает своего пропавшего сына Ивана, помнишь? Мы с тобой перед этим полотном часа два стояли, а то и три. Глаз не могли отвести... Ты хорошим мальчиком был, впечатлительным и послушным... И где теперь твои благодушие и благородство, сынок? Раз уж ты мой сынок, должен стремиться и устремляться ввысь, а не опускаться и не спускаться вниз! Возможно и наверняка отец и царь теми же словами пропавшего сына вопрошал. В отчаянии, разумеется. На сердце камень, на душе темно. Бедный, бедный отец! Бедный, бедный сын! Бездна поглотила обоих – ничтожного сына и...

Павел берёт отца за шиворот, выволакивает из-за стола.

БЕРА. Павлик, что ты делаешь? Ты убьёшь его!

Павел, преодолевая отчаянное сопротивление Ивана Сергеевича, усаживает его на диван.

БЕРА. Павлик, остановись! Не трогай его! Он же после инфаркта!

Павел вынимает из брюк ремень, связывает Ивану Сергеевичу руки.

БЕРА. Осторожно! Ты убьёшь его! Да что же это такое?!

Павел укладывает отца, укрывает пледом с головой.

БЕРА. Что ты наделал?! Ты убил его!

Павел возвращается за стол, наливают себе водки.

Картина вторая

За столом Вера Васильевна и Павел. Иван Сергеевич на диване, укрыт пледом.

На веранде сквозь матовое стекло угадывается силуэт Христофора.

ВЕРА. ...она хотела сделать тебе сюрприз.

ПАВЕЛ. Вот так сюрприз!.. Ничего себе, сюрприз!

Пауза.

ВЕРА. Что думаешь делать?

ПАВЕЛ. Она делать будет. Будет прерывать беременность... А разве есть варианты?

ВЕРА. А жениться не думал?

ПАВЕЛ. На ком, мама?.. Кто я – и кто она?.. И что там родится? Я даже этого пикантного момента не помню – пьян был в стельку. Как раз день рождения Косолапова отмечали... Помнишь, я тогда пьяным вернулся в стельку?.. Вот она меня и подловила... Слушай, как они это быстро соображают? Подлая порода... Ну, ничего, отольются кошке мышкены слёзки.

Пауза.

ВЕРА. Молодая девочка. Хорошенькая. Неизбалованная... Знаешь, жену из простых девушек брать нужно. Они надёжные... А там уж воспитаешь, как тебе нужно... Да и пора бы уже, тебе уж пятый десяток. Так и будешь бобылять?.. Ребёночку мать хорошая будет... Если хочешь, оставишь у нас. И Лизавету, и ребёночка.

ПАВЕЛ. Мать, не сходи с ума.

Пауза.

ВЕРА. Она не станет делать аборт.

ПАВЕЛ. Куда она денется?

ВЕРА. Нет, Павел, грех великий... Я не позволю!

ПАВЕЛ. А к незнакомому мужчине в койку прыгать – не грех?

ВЕРА. Ты ей слова любви говорил?.. И, кстати, жениться обещал. Она тебе поверила.

ПАВЕЛ. Откуда ты знаешь?

ВЕРА. Девочка делилась со мной... И было это у вас не один раз.

ПАВЕЛ. Ну, потом уже автоматически. А по поводу женитьбы, может быть, в

первый вечер я что-то такое сболтнул, в бессознательном, так сказать, состоянии, а после ничего такого я уже не говорил... Мало того, страх определённый испытывал... И, в общем, не хотел. Но она так устраивала всякий раз. Она, знаешь, очень опытная в этом смысле. Она развращена, мама!

Пауза.

ВЕРА. Ты лишил её девственности?

ПАВЕЛ. Это не имеет никакого значения. В наше время, мама, это не имеет никакого значения. Ты отстала от жизни, мама. Нынче другие времена... Она – опасный и сильный человек. Нет, я не говорю, что это было насилие с её стороны, но, в общем, нечто подобное... Возможно, гипноз. Не удивляйся, это широко практикуется. Мы с тобой просто неискушённые люди, ничего такого не знаем, но мне рассказывали, что теперь это широко практикуется... Она, знаешь, ещё такой хищницей может оказаться!.. Она кусала меня, уж прости за подробности, до крови кусала. А если бы артерия? Об этом ты подумала?.. Я тебе, разумеется, ничего не говорил. И сейчас не сказал бы, но раз уж ситуация вскрылась... Вот ты смеёшься над вампирами, а между тем их никто не отменял... Зачем бы о них так много говорили, сама подумай?.. Нет, я не говорю, что она – вампир. Но вообще-то вампир – это не обязательно чудик с клыками. Вампир – понятие обширное. Спроси у отца, когда протрезвеет, он тебе расскажет... Между прочим, я ещё удивляюсь, как она на отца глаз не положила. Таким, как она, знаешь, возраст не помеха. Статусный человек, писатель, хороший дом... И пьянка не помеха. Даже приветствуется... Как-то пронесло, знаешь. Просто чудо... Вот, кстати, Косолапов мне её и посоветовал. Вот я его к ответу и призову. Пусть, как хочет, теперь выкручивается... А с Косолаповым, знаешь, разговор короткий.

ВЕРА. Нет, Павел, это не годится.

ПАВЕЛ. А разве есть варианты?

ВЕРА. Ты в тюрьму захотел?

ПАВЕЛ. Какая тюрьма? Я тебя умоляю. В этом смысле даже не заморачивайся. Там всё схвачено. И разные такие ситуации не в первый раз, и всё такое... Косолапов – это Косолапов. Его все знают. Одно добро... Косолапов – одно добро. Его все знают... Вот же, сучка маленькая!

Пауза.

БЕРА. Если хочешь, оставишь у нас. Я давно с внуками мечтаю повозиться.

ПАВЕЛ. Какие внуки, мама?! Сама подумай, отец сошёл с ума, пьёт беспробудно, ты болеешь. Это что за бедлам мы здесь устроим?..

Пауза.

БЕРА. Что-то аппарат шумит. Треск, музыка какая-то.

ПАВЕЛ. Пройдёт, привыкнешь.

БЕРА. А слышимость замечательная. Просто прелесть. Но я немного устаю. Сниму, пожалуй.

Вера Васильевна вынимает слуховой аппарат, кладёт в карман передника.

БЕРА (*громко, как обычно говорят глухие люди*). Пойду похлопочу на кухню. Там Лизавета наготовила. Она чудо как готовит. Уж на что мать у тебя хорошо готовит, но Лизавета – просто кулинар. Пойду похлопочу, давно пора ужин подавать.

ПАВЕЛ (*громко, как обычно говорят с глухими людьми*). Ты – мудрая женщина, мама.

Вера Васильевна жестом показывает, что не слышит, уходит.

ПАВЕЛ (*Вере Васильевне вслед*). Всё, спряталась.

Картина третья

Стол накрыт.

За столом Иван Сергеевич и Павел. Выпивают.

На веранде сквозь матовое стекло угадывается силуэт Христофора.

Входит Вера Васильевна. В руках у неё синий плащ.

БЕРА (*Ивану Сергеевичу*). Этот плащ?

ИВАН. Тот самый. Именно тот, именно самый.

Иван Сергеевич подходит к Вере Васильевне, надевает плащ.

ИВАН. Великоват стал. Надо же? (*Павлу.*) Ну что, сынок? Этот плащ?

ПАВЕЛ. Похоже.

ИВАН. Видишь как?

Вера Васильевна уходит.

Иван Сергеевич возвращается за стол, наполняет стаканы.

ИВАН. Я тебе так скажу, Павлик, слушай меня, пока я живой. Пустых снов не бывает. Нужно уметь их трактовать. Выуживать, извлекать, выдавать смыслы на гора, так сказать. Я, к сожалению, этой науки пока что не постиг, но кое-что в этом деле разумею... Ну, давай выпьем... За Сталина пить не будем. Вы его не признаёте... За Северную Ирландию. Я к Ирландии и ирландцам глубочайшую симпатию испытываю. Свободолюбивая страна и народ.

Иван Сергеевич и Павел чокаются, выпивают.

ИВАН. Вот я тебе приведу пример. Приснилась как-то Спиридонову Ивану... Помнишь Спиридонова Ивана, друга моего закадычного?.. Не помнишь, конечно... Так вот, приснилась Спиридонову Ивану пустая электричка, и он в той электричке совсем один. А время позднее, на станциях свет тусклый, ни души. Жутко! Холодок по спине. Ничего предосудительного. Всякий испытывал подобные ощущения. Даже самые храбрые люди – и звероводы, и водолазы. С целинниками тоже, знаешь, разные ситуации случались. Я не раз это описывал... Откуда Иван ехал и куда – не знает. Или не помнит. Не важно. Вдруг на одной из станций в салон входит человек. Вид у этого человека суровый. Небрит. Желваки играют. Вот запомнились Ивану эти желваки. Ну, что делать? Спиридонов Иван отворачивается к окну, как будто дела ему до нового пассажира нет. А когда темно, в окне можно видеть только собственное отражение. Ну, может быть, какую-то часть вагона. Ситуация, прямо скажем, глупая. Получается, что он себя рассматривает, а вовсе не пейзажи или дома. Ивану Спиридонову делается неловко. Преодолев себя, он отрывается от окна и сталкивается взглядом с незнакомцем. Тот уселся на лавочку напротив. Смотрят друг на друга буквально в упор. Взгляд у соседа недобрый. Точно он что-то замышляет или уже замыслил. – Сойду на ближайшей остановке, – проносится у Ивана Спиридонова в голове. И вот – остановка. Мой друг пытается встать, но у него ничего не получается. Точно прирос к своему месту. Ужас! А сосед наклоняется к нему всё ближе и ближе, будто хочет сказать что-то важное по секрету.

Именно на ухо... И в этот момент входят ещё пассажиры. Много. Целая толпа. Кочегары, ремесленники, белые мукомолы, рыбаки. Корневой народ. Шум, гвалт. Кто-то с перегаром усаживается рядом с Иваном, к незнакомцу притулилась баба с гусем. Гусь гогочет, толпа шумит. Свет в салоне стал ярким... Такой вот необычный сон. Долгонько мы с Иваном пытались разгадать его.

Пауза.

ПАВЕЛ. Разгадали?

ИВАН. Нет.

Пауза.

ПАВЕЛ. И с какой целью ты мне всё это рассказал?

ИВАН. Беседа, сынок, не обязательно должна иметь цель и мораль. Жизнь – да, беседа – не обязательно. Иногда люди говорят только для того, чтобы выказать симпатию к собеседнику. Я люблю тебя, сын. (*Смеётся.*) Знаешь, я так живо себе его представил. В особенности небритое лицо с желваками... Зачем он приходил? Такие и подобные визитёры просто так не являются... А знаешь, я специально попросил маму отыскать плащ, чтобы ты успокоился. Вот, думаю, посмотрит на меня Павел в синем плаще и подумает: «Батюшки, да это же мне отец приснился».

Пауза.

ПАВЕЛ. А на самом деле?

ИВАН. Что?

ПАВЕЛ. На самом деле это был не ты?

ИВАН. Конечно, я. Кто же ещё? Таких плащей больше ни у кого нет.

Пауза.

ПАВЕЛ. Зачем приходил?

ИВАН. Думал о тебе. Я часто о тебе думаю.

Пауза.

ПАВЕЛ. Ненавидишь меня?

ИВАН. Люблю... А давай я тебе этот плащ подарю?

ПАВЕЛ. На что он мне?

Пауза.

ИВАН. Как ты похож на свою мать.

Пауза.

ПАВЕЛ. Любишь мать?

ИВАН. Больше жизни... Вот интересно, на кого будет мой внук похож?

ПАВЕЛ. Какой внук?

ИВАН. Я тебе разве не говорил? У меня скоро будет внук.

Пауза.

ПАВЕЛ. От кого?

ИВАН. От тебя. А ты разве не знаешь?

Пауза.

ПАВЕЛ. Это не остановит меня.

ИВАН. В каком смысле?

ПАВЕЛ. В том смысле, что внука не будет. Ни внука, ни внучки. Я не допущу этого.

Пауза.

ИВАН. Исключено.

ПАВЕЛ. Почему?

ИВАН. Мы с мамой уже любим его. В особенности я... Разобьёшься!

ПАВЕЛ. Что?

ИВАН. Об любовь разобьёшься!

ПАВЕЛ. Не разобьюсь.

ИВАН. Здесь кругом любовь, шагу не ступить... Неужели ты способен погубить кровиночку свою? Он же – копия ты.

ПАВЕЛ. Слушай, мне твои фантазии уже поперёк горла!

Входит Вера Васильевна, улыбается.

ВЕРА (*Павлу громко*). Я сохранила все твои игрушки, Павлик. И сабельку, и дырокол, и клоуна, и хохотушку, и бронепоезд, и ножичек, и языкодержатель, и микроскоп, и малинового зайца, и барабан, и глиняную свистульку, и мелки, и гвоздодёр, и открытки со зверушками, и хлопушку, и напёрсточек, и кошку-ловушку, и ножнички маникюрные, и четырёх поросят...

ПАВЕЛ. Их же три?

ИВАН. Она не слышит.

ВЕРА. ...и канатную дорогу, и трубочиста...

ПАВЕЛ (*кричит*). Мама, зачем ты всё это перечисляешь?

ИВАН. Мама всё помнит.

ВЕРА. ...и микроскоп со стёклышком, помнишь микроскоп со стёклышком?

ПАВЕЛ (*кричит*). Мама, ради Бога! Зачем ты всё это перечисляешь?

ИВАН. И я всё помню.

ПАВЕЛ. Мама!

ИВАН. Она не слышит.

ПАВЕЛ (*кричит*). Мама, надень слуховой аппарат!

ВЕРА. ...и можешь себе представить, все пелёнки твои нашла.

ИВАН. Мы, сынок, бедно жили, не то, что сейчас. Поэтому мама ничего не выбрасывала. Даже катушки от ниток не выбрасывала. Я, грешным делом, в свободную минуту из этих катушек такие башенки строю!

Вера Васильевна садится за стол.

ВЕРА. Тебе, Павлик, на ребёночка совсем тратиться не придётся.

ПАВЕЛ. Да вы с ума сошли!

Входит Лизавета в нарядном платье, улыбается.

ИВАН. Душа моя! Какая ты сегодня красавица! С каждым днём хорошеешь!

ЛИЗАВЕТА (*Павлу*). Здравствуйте, Павел Иванович!

ПАВЕЛ. Здравствуй, Елизавета.

ЛИЗАВЕТА. А вы не в духе. Что-то случилось, Павел Иванович?

ПАВЕЛ. Ничего не случилось. А что могло случиться? Ровным счётом ничего не случилось!.. Голова что-то болит.

ЛИЗАВЕТА. Сегодня мороз сильный. Бывает, что в мороз голова болит. У меня часто в мороз голова болит. Сегодня только не болит, а так, в основном, болит... Хотела вас немного обрадовать, но уж раз голова болит, наверное – в следующий раз.

ПАВЕЛ. Да, лучше в следующий раз.

ЛИЗАВЕТА. Да, так лучше будет.

ПАВЕЛ. Так будет лучше.

Пауза.

ЛИЗАВЕТА. Пойду, пожалуй.

ИВАН. Ну уж нет, садись к столу, Лизавета.

ЛИЗАВЕТА. Так сыта я. Пока готовила – кусочков нахваталась.

ИВАН. Почаёвничай с нами хотя бы. Ты же скоро родня нам будешь.

ЛИЗАВЕТА. Что вы такое говорите, Иван Сергеевич! В краску меня вогнали. Зачем вы такое говорите, Иван Сергеевич?!

ИВАН. А не нужно тушеваться. Уже не нужно. И бояться не нужно. Мы – очень положительные люди. И я, и Вера Васильевна, и сын наш Павел. Он с виду и в поступках суров, но это только видимость. На самом деле – он трогательный. Уж я-то его знаю. А иначе и быть не могло. Воспитан в ласке и понимании. С ранних лет на правильных примерах. Отличался послушанием. Умел признавать свои ошибки. Отец, я то есть, привил ему духовность. Мальчонкой лет трёх он узнавал на портретах и Гагарина, и Мичурина, и Руаля Амундсена. Мечтал о полярных экспедициях и прочих путешествиях. Мы гуляли с ним во дворе, а когда возвращались, наносили свои приключения на контурные карты. (*Кричит Вере Васильевне.*) Ты контурные карты не выбросила?

ЛИЗАВЕТА. Чай горячий или подогреть?

ИВАН. Не слышит... Я тебе так скажу, Лизавета. Человек окончательно формируется к шести годам. После этого существенных перемен в нём не происходит. Нет, конечно, он растёт, наливаются, может стать вором, душегубом, предателем, маньяком, вампиром, кем угодно, но всё это – наносное. По сути он остаётся тем же, кем был в шестилетнем возрасте. Павлик в раннем детстве был добрым мальчиком – добрым и остался... А наносное слетит, будь уверена. Не сразу, конечно, но слетит. Непременно. (*Павлу.*) Сынок, голова не прошла?

Павел оставляет вопрос без ответа. Наливает себе водки, выпивает.

ИВАН. Ты за стол-то садись, Лизавета. В ногах правды нет.

Иван Сергеевич усаживает Лизавету за стол, сам садится рядом, обнимает её за плечи, затягивает песню «На крыльчке твоём каждый вечер вдвоём...».

Первоначально Лизавета, а затем и Вера Васильевна, вероятно, прочитав по губам, подпевают ему.

ИВАН (*Лизавете, негромко*). Ты, Лизавета, погоди немного. Он покуда ещё в себя не пришёл. Смириться с таким известием – время нужно.

ЛИЗАВЕТА. Так вы ему всё рассказали, Иван Сергеевич?.. Зачем? Мне самой нужно было!

Вера Васильевна продолжает тихонько петь.

ИВАН. Ты, Лизавета, в политике ничего не понимаешь и сына нашего ещё не до конца узнала. Он отходчивый, но сперва буйный. Но отходчивый... Нужно было сыграть на опережение, понимаешь? Так что я всё сделал правильно.

ЛИЗАВЕТА. Стыдно!

ИВАН. Какой же стыд может быть? Уж теперь стыдиться нечего. И некогда... А скажи, Лизавета, ты имечко-то младенцу уже придумала?

ЛИЗАВЕТА (*смеётся*). Да нет, рано ещё.

ИВАН. Ничего не рано. О таких вещах заранее думать следует... А скажи, есть такие имена, что тебе не по душе?

ЛИЗАВЕТА. Как это?

ИВАН. Ну, не знаю... вот мне, например, имя Игорь не нравится. Какое-то оно игривое, что ли, несерьёзное...

ЛИЗАВЕТА (*смеётся*). Я не думала об этом.

ИВАН. Послушай, душа моя, есть один Святой, который сильно отличается от прочих Святых. Сначала его звали Репрев. Он был огромного роста и очень силён. Однажды его попросил перенести через реку маленький мальчик. Посреди реки ребёнок стал настолько тяжёл, что Репрев испугался, как бы они оба не утонули. Мальчик сказал ему, что он — Христос и несёт с собой все тяготы мира...

Павел, пошатываясь, встаёт из-за стола.

ПАВЕЛ. Пойду, покурю что ли?

ИВАН (*Лизавете*). ...Затем Иисус крестил Репрева в реке, и тот получил своё новое имя — Христофор, *несущий Христа*... Господи, о брате-то мы забыли! Да как же это?!.. Павлик, не в службу, а в дружбу, ты всё равно на веранду, позови дядю Христофора. Он уже, наверное, там замёрз... Погоди-ка, дай ему плащ согреться.

Иван Сергеевич снимает плащ, подаёт Павлу.

Павел, с трудом удерживая равновесие, идёт на веранду.

Теперь мы видим на веранде два силуэта. Угадать, кто из них Христофор, а кто Павел, невозможно.

ИВАН (*Лизавете*). ...И у него была пёсья голова. Но это не сразу. Сначала он был очень красив. Но, дабы избежать соблазнов и постоянно беспокоивших его женщин, упросил Господа обезобразить его внешность. И лицо у него сделалось в точности как у собаки.

Звучит выстрел. Одна из фигур на веранде оседает.

Иван Сергеевич и Лизавета поворачиваются, застывают в напряжённом ожидании.

Дверь веранды отворяется, входит Христофор в синем плаще. Направляется в угол, садится на корточки.

Вера Васильевна продолжает тихонько петь.